

Под абажуром

Открылась выставка фотографий Ильи Ильфа

известии. - 2002 - 31 окт. - с. 8
Один из авторов «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» однажды, семьдесят лет назад, купил фотоаппарат на деньги, одолженные у своего соавтора. В результате, как уверял Евгений Петров, работа над «Теленком» задержалась на год — Ильф начал фотографировать и перестал писать. Фотографии писателя можно увидеть на выставке, открывшейся в Московском центре искусств.

Мария Ильф (жена писателя и его любимая фотомодель) и Евгений Петров музицируют. 1932 год

Ольга КАБАНОВА

Илья Ильф был фотографом-любителем, хотя в его снимках есть много того, что принято называть формальным поиском. То кремлевская башня колет небо строго по диагонали, то балкон соседнего дома, где живет его друг, снят именно «от пупа», как учил Родченко, то прохожие «в неожиданном ракурсе» идут по собственным теням. Такие эксперименты понятны — Илья Ильф работал в редакциях и дружил с фотографами, увлеченно снимающими модно, новаторски. Каждый, кто знает по себе редакционную жизнь, знает — фотографы считают, что умеют писать, а пишущие журналисты обожают снимать. Но и те и другие относятся к непрофильным опытам коллег весьма скептически. Так и Александр Родченко в статье о фоторепортаже, привезенном Ильфом из Америки, писал что снимки «пассивны и беззлобны», надо было их «начинить порохом политической сатиры».

Но одно дело требования профессиональные, другое — зрительские. И вот эта самая «беззлобность», а точнее, абсолютная сентиментальность фотографий Ильи Ильфа так притягивает сегодня взгляд к маленьким пожелтевшим авторским отпечаткам. Мир, сохраненный на них, полон такой нежной любви ко всему окружающему — московским домам, улицам, прохожим, сло-

нам в цирке, детям, друзьям, домашним стенам, своей жене, женам друзей, что кажется, будто свет от того мира, словно приглушенный старым домашним абажуром, и есть главный герой снимков.

Неожиданно в фотографиях Ильфа из домашнего альбома нет фирменного Остаповендеревского юмора. По сути — это совершенно мешанские, обывательские фотографии. Но не в том смысле «мешанские», который вкладывали в это слово советские сатирики 30-х годов, бичующие ужасы нэпа. А в смысле трогательной влюбленности в свой маленький домашний мир, которая отличает человека, имеющего талант проживать повседневность.

Конечно, фотографии Ильи Ильфа — исторические свидетельства. И не только потому, что он, живший напротив храма Христа Спасителя, сумел снять момент взрыва этой громады. И не потому, что в друзьях дома были известные писатели, а события тех лет — вроде похорон Маяковского — стали историческими. Советская фотолетопись, которую с энтузиазмом составляли гениальные фотографы, создала мощнейший пропагандистский миф, в котором так много лучезарного оптимизма и единого порыва трудящихся масс, что для обыденной жизни не осталось места. И о том, как и чем жили люди, теперь можно узнать только из семейных альбомов, из домашних архивов.